

Моим дорогим внукам: Тае и Лидочке, Ясику и Саше.

Вы живете в новом доме. В вашем доме нет Домовых, Чердачников, Подпольных и других существ. А вот в очень старых домах они до сих пор водятся. Старые люди о том знают, но говорить не хотят, а молодые — не верят, что такие существа жили и живут.

Мы с вашим папой, когда он был маленьким (а он когда-то был маленьким, иначе сегодня не отмечали бы день рождения), когда он был маленьким, мы переехали в старый дом. Его занимала какая-то контора. Сначала домовому и чердачнику наш приезд не понравился. Ночью они мешали спать. Что-то двигали под крышей, или помогали завывать сильному ветру.

Ваш дед тогда был не старым. Однажды ему все эти шумы надоели. Он думал, что где-то кровля нарушилась, поэтому стучит и завывает. Вот, придя с работы (уже стемнело) он взял фонарик, молоток, гвозди и полез на чердак ремонтировать кровлю. Чердак — это такое помещение между кровлей и потолком. Похоже на второй этаж в нашей даче. Приставил лестницу и полез к чердачному окну.

Только ступил на кровлю, слышит — лестница упала. Назад пути нет. Ладно, думает, в крайнем случае — спрыгну. Протиснулся в узкое окно. Стал светить фонариком и ведь нашел поломку! Доска отошла от стропил, к которым была прибита. Он привязал фонарик к другим стропилам, чтобы освободить руки. Разложил инструмент и начал работу. Прижмет доску к стропилам, протянет руку к молотку, а доска опять отходит. Еще одной руки не хватает. Это бы с крыши надо делать, ногами доску прижимать, да после дождя крыша скользкая.

Мучился-мучился, вдруг чувствует: кто-то ему подает, то молоток, то гвоздь, то свет направит, как надо. Ну, думает, наверно Сережа забрался на чердак. Подумал: «Как слезать будем? Я-то спрыгну сам, а сына, придется, заставлять прыгать и надо будет ловить его, чтобы не разбился». Даже и не вспомнил, что Сережа без лестницы не залезет, а поднять лестницу силенок нехватит. Закончил работу. Говорит: — Спасибо. А ему в ответ хриплым таким голосом, сосем не Сережиным: Не стоит благодарности.

Пригляделся дед и кого видит? Никого. Только гвозди, рассыпные повсюду, ожили. Поднялись в воздух и опустились в сумку, в которой дед принес их на чердак. Молоток поднялся вверх рукояткой и постоял немного, потом тоже полетел в сумку, которая тут же застегнулась на молнию. Фонарик сам отвязался от стропилины и аккуратно лег на сумку. Осветил дорогу к слуховому окну. Тут деду надо было о чем ни будь еще поговорить с тем, кто ответил хриплым голосом. Но он подумал, что ему вроде бы сказали: ??Сделал дело и убирайся вон??. Что на это придумаешь? Взял дед сумку и побрел к окну, оглядываясь. Ни кого не увидел, ни чего толкового не придумал. Протиснулся сквозь узкое окно. Подобрался к краю кровли и удивился: лестница-то стоит там, где он ее приставил. Ни куда не делась. Вот так-то, дорогие внуки! Другой случай произошел ...

Но об этом в следующем письме, если хоть что-то из рассказанного доставило вам удовольствие.

Ваш неунывающий дед Виталий.
среда, 18 февраля 2009 г.

Здравствуйте, мои дорогие Катюша, Сережа, Тая и Лида, Ясик и Саша!

Вот Вам мой очередной рассказ. Только придумайте, как ставить ударение. По-моему на букве «а» в слове «доманы» и в имени деда «Вита». Доманы и кот.

Был у нас котенок. Серый. Такой пушистый, как шерстяной клубок. Про таких котят говорят: «поперек толще». Звали его Пушок.

Когда мы въезжали в дом, то котенка через порог впустили первым. Так люди поступали давным-давно. Если коту понравится, то и нам будет хорошо. Только неизвестно, как узнать, понравилось котенку или нет в новом жилье. Он быстренько пробежал кухню и горницу. Такую комнату теперь мы называем общей комнатой или столовой. В старые времена там ставили горку. Горка — это такой шкаф, напоминающий гору. У нее полки ступеньками. А на полки ставили праздничную посуду. За эту горку комнату называли горницей. Котенок быстренько пробежал по всем углам и в самом темном углу горницы напрудил. Мы посмеялись: «Быстро освоился, значит все хорошо и можно заносить вещи».

Котята растут быстро. Скоро он стал крупным косматым сибирским котом, который больше бродяжничал по двору, чем сидел дома. Вообще-то он был чистюля. Часть двора у нас был засыпана древесными опилками. Бывало, кот наступит на опилки и отряхивает каждую лапу на каждом шагу. Не то, что Верный. Верный — это пес. Он жил во дворе. Когда мы приехали, он прибежал знакомиться. Котенок на него: ф-ф-ф-ф, а сам сидит и лапу поднял. Показывает, какой он грозный. Но Верный опрокинул его и начал вылизывать. Так они и подружились.

Верный на опилки не обращал ни какого внимания. Но часто загонял Пушка на опилки и смотрел, как тот трясет ногами. А после игры они ложились у крыльца друг подле друга и спали. Пушок исправно ловил мышей. Утром он приносил их деду и укладывал в ряд на прикроватный коврик. Угощал деда. Дед, конечно, не ел мышей, но кота не ругал. Ругала баба Лида. Ей приходилось выбрасывать убитых мышей. Это не такое дело, которое приятно выполнять. Упрямый кот слушал, но продолжал поступать по-своему. Однажды Пушок не принес мышей. Кот вообще исчез. Наш двор был обнесен высоким забором. Хорошие ворота перекрывали выход. Пушка эти ограждения не удержали бы. Только почему бы ему убежать?

Вечером дед пришел с работы. Сережа говорит, что Пушка нет нигде. Весь двор обошел, кота не увидел. — Папа, — говорит, — давай поищем вместе. — Хорошо, — отвечает тот, — поищем после ужина. Сели за стол, а с чердака раздался стук и грохот. И завыванье. А на дворе ветра то нет. Дед решил, что это кот буйствует или попал в беду. Полез на чердак. Протиснулся в слуховое окно. Пригляделся. Перед ним стоят четверо. Низкорослые. Каждый под стул пешком пройдет. Опустился дед на корточки. Чтобы ближе голова к голове. Молчат. А стук и грохот прекратились. — Ну, — говорит дед, — зачем звали?

— Догадался. — довольно заметил знакомый хриплый голос. — Конечно, звали. Кота надо выручать. С такой высоты ему не спуститься. — С какой высоты? — Со столба. — Это тот, который посреди двора? Кто его туда загнал? — Да Верный. Но только не он один. Его наставлял доман Дворя. Но и Дворя не был один, втроем они это устроили. Доман Дворя, доман Дима и доман Зема.

— Кто это такие? — Доманы. Так мы свое племя называем. Не домовые, а доманы. Дворя вот этот дворовый житель, — он указал на существо, закутанное в серый плащ. Тот поклонился молча. — Дима — это комнатный житель. Дима оказался мускулистым существом, одетым в белую рубашку косоворотку с веревочной опояской и

просторные брюки, заправленные в начищенные сапожки. На голове что-то вроде шапки. — Зема — это подвальный житель. Подвальный житель был толстеньким. На нем был кожаный фартук до пола поверх безрукавки. А на голове — поварской колпак. А я — Верха. Чердачный житель. Сам же Верха был в чистом рабочем костюме, без головного убора. Волосы на его голове, похоже, никогда не расчесывались, хотя аккуратно обрезаны до плеча.

— А как тебя звать будем? — спрашивает Верха. — Меня зовут Виталий, что означает живучий. Они о чем-то посоветовались, и Верха сказал. — Нет, хозяин, это длинное имя долго выговаривать. Согласись, чтоб тебя называли дед Вита. — Это почему дед. Я еще не дед. — Правда, — сказал Верха, — но у нас хозяева всегда были дедками. Привыкай. Дед подумал: «Когда то еще доживу до деда». Но согласился: не все ли равно. — А меня зовут Оффис — раздался писклявый голос из темноты. — Кто тебя звал сюда? — строго спросил Дима. У него оказался густой бас, как у толстой струны гитары. — Да я сам. Ведь интересно, — пропищал тот, как самая тоненькая струна у самой маленькой балалайки. — Его зовут не Оффис, а Конта. Это конторский житель. Он любознательный доман. А придумал себе это имя, чтобы походить на иностранца. Подходи уж, коли пришел.

На свет вышел стройный тип. Он был одет в современный человеческий костюм и при галстук. На голове шляпа. В руках тросточка. — Это все жители? — спросил дед. — Нет. Нас больше, да только не все с людьми знакомятся. — Так зачем вы меня вызвали? Похоже, что вы бы и без меня справились. — Нет. У нас одних выйдет плохо. Кот еще больше испугается и может разбиться. — Да не разобьется он, — проговорил Двора, — коты всегда падают на лапы. — Нет, нет, не говори. Лучше будет, если дед Вита поможет — сказал басом Дима. Получилось так, что когда мы вселялись, котенок напрудил прямо под Диму, который невидимкой лежал в его любимом углу. Дима на него вначале не обиделся. Очень уж малым был котенок. Только этот проказник каждый раз, перед уходом на улицу, настраивался опять напрудить. Дима его всегда отпугивал. Тогда Пушок гордо шел к дверям, подняв палкой свой пушистый хвост. Подходил и мяукал. Кто ни будь выпускал его на улицу.

Так продолжалось, пока Дима решил, что кот уже взрослый и пора его наказывать. Дима и Зема недолго совещались и решили, что пусть Двора заставит собаку погоняться за котом, а потом собирались с ним потолковать. Они же умеют говорить со всякими жильцами.

Пес Верный, который дружил с Пушком, совсем не собирался кота обидеть. Он думал, что играет. А Двора его похваливал, да радовался: вот как весело! Когда перепуганный кот забрался на столб, Двора увел Пушка прочь. Дело было вечером. Всю ночь кот ревел и сорвал голос. Утром его ни кто, кроме доманов, не слышал. У них слух еще лучше, чем у кота. Дима пожалел Пушка. Он совсем такой беды не ожидал. И Сережа не слышал кота. Искал его по закоулкам, а наверх не смотрел. Деду и бабе Лиде тоже ни к чему было задирать голову. Вот и сидел кот без помощи.

Спустился дед на землю, позвал Сережу и пошли они к столбу. Высокий был столб. Лестница ему достала бы до половины. Пушок сидит на вершине столба и рот открывает, только ничего не слышно. Дед, как договорились с доманами, свистнул. Они поколдовали. Тут Пушка подбросило вверх и он полетел вниз мимо столба. Хвост, как парашют, держал кота вниз головой. Кот упал бы на передние ноги и на нос. А теперь он попал прямо в руки Сереже. Вцепился когтями в его курточку и плачет слезами. Кошки любят, когда их гладят и ласкают за ушами. Сережа приласкал Пушка, успокоил. Отнес домой. Напоил молоком так, что Пушок еле-еле шел, пошатываясь из стороны в сторону. Не дошел до коврика и уснул на полу.

С тех пор Пушок к Диме больше не подходил. Наверно доманы ему объяснили, и он все понял. Неделю Пушок не мяукал. Только хрипел: «хршхшау». Мышей не ловил. А с собакой они и не ссорились — ведь это была игра. Верный ни когда больше не загонял Пушка на высокие предметы. Может, ему тоже доманы растолковали?

Вот так-то. Ваш дед опять разболтался, а вы мне так ни чего не сообщили. Скучно вам, наверно, и не понятно. Но лучше не получается. Поэтому принимайте все как есть. Да, кстати, эта история , наверно последняя.

До свидания, мои внуки, Тая, Ясик, Саша и Лида. До свиданья, Сережа и Катюша. Будьте здоровы.

Вторник, 24 февраля 2009 г.